Л. Н. Коробейникова

О СЮЖЕТОСЛОЖЕНИИ «ЖИТИЯ ГАЛАКТИОНА И ЕПИСТИМИИ»[1]
(к проблеме типологии переводных византийских житий)

Переводные византийские жития, составляющие особый пласт средневековой славяно-русской переводной литературы, остаются недостаточно изученными, в частности как факт литературы[2]. В средневековый период каждое из этих житий обрело свою историю текста и в Византии, и в других странах, в том числе на Руси. Выяснение вопроса о причинах особенностей «пути» того или иного средневекового памятника требует, в частности, обращения к его содержанию, к исследованию его поэтики. Тот факт, что ранняя агиография — это «разновидность художественной прозы, заступившей место почти полностью отсутствовавшей в Византии беллетристики»[3], изучению поэтики всякого переводного жития, бытовавшего на Руси в славяно-русском переводе, придает самоценное значение, возрастающее к тому же в связи с рассмотрением его в русле проблемы становления русской беллетристики[4].

Время создания «Жития Галактиона и Епистимии», привлекавшего внимание исследователей по большей части в связи с греческими романами, главным образом А. Татия «Левкиппа и Клитофонт» и Гелиодора «Эфиопика»[5], неизвестно, хотя по традиции его относят к первым векам христианства, а появление этого жития на Руси — к домонгольскому периоду[6]. Особенности поэтики ЖГЕ, такие, например, как наличие в качестве одной из важнейших темы крещения язычников, способ изображения мученичества, характерный для древних мартириев[7], евангель-

ская символика чисел и др., о чем мы уже частично писали[8], свидетельствуют о том, что это житие действительно может относиться к памятникам раннехристианской агиографии. В ходе его исследования мы попытались рассмотреть процесс сложения сюжета ЖГЕ, определить степень его зависимости от различных литературных источников, в связи с этим с известным допуском установить приблизительный период его создания, а также сделать некоторые предварительные выводы по типологии переводных византийских житий и обозначить круг проблем дальнейшего исследования его поэтики.

* * *

Известны две редакции греческого текста ЖГЕ: ранняя, так называемая редакция Евтоломиоса, по имени свидетеля событий и рассказчика, и редакция Симеона Метафраста. Предмет настоящего исследования — ранняя редакция. Текст этой редакции в славяно-русском переводе, близкий к архетипу этого перевода, содержится в целом ряде списков, разысканных нами, а также в составе ВМЧ[9].

Сюжетная схема ЖГЕ вполне соответствует жанровому канону жития. Собственно повествование «Жития» обрамляется вступлением и кратким заключением вышеупомянутого Евтоломиоса. Во вступлении, представляющем собой его развернутый риторический монолог, помимо традиционной для жития самоуничижительной характеристики и притчи о зарытом таланте, содержится обращение к слушателям, ядром которого, пожалуй, является речение ап. Павла: **не бо слышателе праведни предъ Богомъ но творци закону оправдятся** (стб. 149), в нем отражена назидательная установка «Жития» и один из аспектов его символического смысла[10]. В собственно сюжет включены и восхваление родителей св. Галактиона, и чудесное появление его на свет, предвосхищенное пророчеством тайного монаха Ануфрия, который крестил и родителей, и его самого; и отдельный эпизод, посвященный детским и юношеским годам святого, в котором сообщается о раннем проявлении святости в виде особых способностей к обучению; и ситуация искушения, в данном случае — как искушение брачными узами, и ее благополучное разрешение

во имя духовного спасения, в виде отказа от брака земного в пользу брака небесного и вступление жениха, св. Галактиона, и его невесты, св. Епистимии, крещенной им, на путь непорочного монашеского служения Богу, чему посвящен специальный эпизод жизни св. Галактиона в монастыре. Финал ЖГЕ также достаточно традиционен – он представляет собой мартирий, в который входит описание судилища (допрос святых неким князем Урсом, истязание их его слугами и чудо) и мученической кончины святых. В кратком заключении рассказчика Евтоломиоса – сообщение о захоронении им останков свв. Галактиона и Епистимии и похвала Богу[11].

Несмотря на трафаретность[12], в структуре ЖГЕ обнаруживаются отличительные особенности. Одной из них является сочетание примет сформировавшегося житийного жанра с такими художественными фактами, которые скорее свойственны наиболее ранним произведениям агиографии. В первую очередь это относится к значительности темы крещения язычников, что характерно для ранних житий, например, «Жития Феклы», «Жития Евстафия Плакиды», а также к специфике изображения мученичества.

Раскрытие данной особенности (о других речь пойдет ниже), в частности, является одним из путей определения и литературных взаимосвязей, и атрибуции.

* * *

Ряд художественных признаков «Жития Галактиона и Епистимии» позволил установить круг произведений, с которыми оно так или иначе связано.

Среди них – ономастические и топонимические заимствования из греческих романов. Во-первых, это имена родителей св. Галактиона – Елевкипа и Клитофонт, заимствованные из романа А. Татия «Левкиппа и Клитофонт». Во-вторых, это факты, связывающие «Житие» с романом Гелиодора: Эмеса – родина Гелиодора (об этом он упоминает в финале романа), а также отца мученика Галактиона; мать Галактиона названа в «Житии» дочерью Мемнона, т. е. наделена именем одного из предков героини «Эфиопики» Хариклии[13]. Данные формальные признаки указывают

на связь ЖГЕ с греческими романами, главным образом — с романом А. Татия.

Другая группа признаков в структуре ЖГЕ — евангельского происхождения. Кратко перечислим лишь наиболее показательные: зачатие, рождение и путь св. Галактиона, определенные предсказанием, искушение и его преодоление, восхождение на гору (там свв. Галактион и Епистимия расходятся по монастырям), добровольное принятие святыми мук; мотив числа «8» и в целом евангельская нумерологическая символика, а также наличие в качестве центральной темы крещения и др.

Перечисленные и некоторые другие признаки указывают на Евангелие (и в первую очередь Евангелие от Луки) не только как на литературный источник ЖГЕ, но и на Иисуса Христа как прообраз св. Галактиона [14]. Сходство именно с этим из четырех Евангелий имеет ряд причин. Назовем главные. Во-первых, «...Евангелие от Луки единственное из четырех, которое можно с оговорками охарактеризовать как “жизнь Иисуса”; конечно, оно сохраняет 〈...〉 проповедническую установку, но облекает ее в устоявшиеся формы греко-римской биографии». Во-вторых, именно это Евангелие отличается обилием женских образов, «...отсутствующих или не играющих важной роли у Марка и Матфея (Богоматерь и Елисавета, Мария и Марфа, Магдалина и т. п.)...» [15]. В житии-биос свв. Галактиона и Епистимии женские образы играют значительную роль [16].

Признаком, указывающим на связь ЖГЕ с ЖФ [17], является имя св. Феклы. Хотя оно встречается в «Житии» лишь единожды, роль его в раскрытии литературных связей ЖГЕ, как генетических, так и стадиальных [18], весьма значительна. Имя св. Феклы произносит девяностолетняя диаконисса, благословляя св. Епистимию в ее стремлении разделить со св. Галактионом подвиг мученичества: **чадо мое Єпистимїа! буди убо путь твой благословенъ Господемъ Богомъ, и съвръши теченїе страсти своеа, ꙗко же прьвомученица Фекла** (стб. 158). Данное указание на символико-смысловую связь между двумя образами святых женщин Епистимии и Феклы (соответственно: персонажа «Житии Феклы» и «Жития Галактиона и Епистимии») способствовало раскрытию в ЖГЕ и «Житии Феклы» общей или родственной типологии в модификации ряда мотивов (например, ученичества, девствен-

ности) и сюжетных ходов. Интересно отметить, что в целом ряде переводных византийских житий обнаруживается традиция разного рода указаний в тексте жития на связь с другим житием. Это может быть упоминание имени его святого (как в ЖГЕ), или включение в текст небольшого фрагмента, где как-то фигурирует соответствующий персонаж (как в «Житии Макария Египетского», в котором в небольшом эпизоде появляется Антоний Великий), или даже введение соответствующего святого в качестве активного действующего лица (как в «Житии Григоря Богослова» — в нем, помимо самого св. Григория, одним из центральных персонажей является Василий Великий). Такие жития близки по тематике, структуре и отраженной в них эпохе. Данное наблюдение, с нашей точки зрения, является косвенным свидетельством желания агиографа ЖГЕ указать на связь его произведения с ЖФ [19].

Следующий признак (реализация важнейшего мотива его сюжета — мотива девственности), представляющий собой одну из наиболее ярких особенностей ЖГЕ, указывает на связь с рядом произведений. Будучи широко распространенным в агиографии, мотив этот имеет различные сюжетные модификации. Чаще всего он возникает в агиографических произведениях разных периодов и регионов, в том числе и византийской ойкумены, как сопутствующий иным духовным подвигам святого. Это, например, может быть подвиг отшельничества («Житие Антония Великого», «Житие Макария Александрийского», «Житие Макария Египетского»), святительства («Житие Иоанна Златоуста», «Житие Василия Великого», «Житие Григория Богослова»), аскетизма («Житие Алексия, человека Божия», «Житие Иоанна Кущника») и др. Встречаются сюжеты, в которых, стремясь к иноческому повигу или подвигу безбрачия, расходятся по монастырям или живут вместе как брат с сестрой супруги, уже состоявшие в браке много лет и обычно имеющие детей («Житие Андроника и Афанасии», «Житие Ксенофонта и Марии», ср. с «Житием Петра и Февронии»), то есть в данном случае речь не идет собственно о подвиге девственности, а скорее — непорочности, телесной чистоты. Наиболее ярко выраженной в византийской агиогафии является другая сюжетная модификация рассматриваемого мотива, когда подвигу девственности посвящают себя целенаправ-

ленно святые женщины, преодолевая на этом пути серьезные препятствия, в первую очередь изощренное преследование их со стороны претендентов-язычников, желающих видеть ту или иную святую своей женой («Житие Феклы», «Житие Екатерины», «Житие Евгении»). Однако следует заметить, что и в данном случае подвиг этот, как правило, сопровождается другими: например, «В Житии Феклы» — это апостольство, в «Житии Екатерины» — мученичество.

Что касается «Жития Галактиона и Епистимии», то в нем представлен едва ли не уникальный случай в агиографии, когда подвигу девственности, не вкусив брачного ложа, решают предаться оба юные супруга, спустя некоторое время после обручения. Посовещавшись и поклявшись друг другу в вечной любви, они расходятся по монастырям. Памятник, в котором встречается аналогичная данной реализация мотива девственности, — это «Деяния Иуды Фомы» [20].

Однако, если рассматривать этот мотив более широко, не ограничиваясь его религиозно-христианской парадигмой, то обнаруживается специфическая аллюзия в интерпретации этого мотива в ЖГЕ на соответствующие ситуации в греческих романах, в первую очередь — в романе А. Татия, о чем речь пойдет специально.

Все вышеобозначенные произведения, явным образом литературно связанные с ЖГЕ, согласно сведениям современной медиевистики, могли быть созданы в период с I по IV в. от Р. Х.: Новый Завет — вторая половина I — начало II в.; «Житие Феклы», а точнее, «Деяния ап. Павла» — II в.; «Деяния Иуды Фомы» — условно — III–IV вв.; романы А. Татия «Левкиппа и Клитофонт», Гелиодора «Эфиопика» — конец II — конец III в. [21]

Сравнительный анализ ЖГЕ с указанными произведениями достаточно убедительно свидетельствует об имеющейся в его структуре с каждым из них той или иной типологической аналогии или даже ряда аналогий.

В обнаруженных связях нет ничего необычного. Агиографический жанр, в целом, складывался «под влиянием Евангелия (рассказ о земной жизни Христа) и Деяний Апостолов» [22], а тот или иной тип святости, разрабатывавшийся в византийской традиции, возникал и развивался как «подражание» или «уподобле-

ние Христу»[23]. Существует мнение и по поводу определенных литературных связей греческих романов с апокрифическими деяниями[24] и византийскими житиями[25]. Однако до сих пор это недостаточно изученная проблема, ждущая своего разрешения. В нашей работе мы на конкретном примере «Жития Галактиона и Епистимии» в общих чертах раскрываем наиболее очевидные аналогии в его тексте и с евангельским текстом, и с апокрифическими деяниями, и с житием, и с греческим романом, названными выше[26]. И уже на данном этапе изучение указанных связей позволило глубже проникнуть в содержание ЖГЕ.

* * *

Наиболее значительная структурная близость обнаруживается в ЖГЕ с Евангелием от Луки. Данные произведения объединяют и некоторые существенные мотивы, и сходство отдельных сцен, и наличие параллелей и ассоциаций в использовании сакральной символики чисел и др. По большей части сходные элементы сближают образ св. Галактиона с образом Иисуса Христа. Остановимся на тех из аналогий, которые имеют прямое отношение к сюжетно-композиционным, структурным основам ЖГЕ. Приблизительно третью часть объема жития занимает история крещения родителей св. Галактиона, непосредственно предшествующая его рождению. Важнейшими мотивами данного сюжета являются бездетность, по причине бесплодия жены, Елевкипы[27], предвосхищенные пророчеством зачатие, рождение и подвижнический путь св. Галактиона, и, что также существенно, — зачатие беспорочное. Все перечисленные мотивы присутствуют в первых двух главах Евангелия от Луки в более расширенной сюжетной модификации. Так, в первой главе Лк. повествуется о двух праведных семействах, которым предвозвещается появление сыновей. Супруги одного из них, Захария и Елисавета, бездетные по причине бесплодия жены, находились уже в преклонных летах, когда Ангел Господень возвестил Захарии рождение сына Иоанна (Лк. 1: 6—13). Дева Мария и Иосиф были обручены, когда Ангел Гавриил благовествовал Марии рождение сына Иисуса по беспорочному зачатию (Лк. 1: 26—31). В обоих случаях ангелы предрекли сыновьям величие Божие (Лк. 1: 15; 1: 32 соответ-

ственно). В пользу неслучайности схожих ситуаций в ЖГЕ и Лк. свидетельствует и наличие сакрального числа «8» в рамках рассмотренных сюжетов: в Лк. это 8 дней после рождения Иоанна и Иисуса — на восьмой день после рождения совершили обряд обрезания и тому и другому младенцу (соответственно Лк. 1: 59; 2: 21), в ЖГЕ это 8 дней со дня крещения Елевкипы — в течение которых она хранила телесную чистоту и на восьмой день, после того как ей было видение распятого Христа, зачала (стб. 153—154)[28]. Данное видение Христа вполне соотносимо с упомянутой уже традицией обращаться в тексте жития к персонажу другого жития и, видимо, может быть интерпретировано как некий указатель на сакральную связь данного текста с Евангелием — что подтверждается и на структурном уровне.

Сравнение схожих элементов истории рождения Галактиона в ЖГЕ, с одной стороны, Иоанна и Иисуса Христа в Лк. — с другой, в частности, позволило определить характерный для данного агиографа прием концентрации генетического, заимствованного материала в создаваемом произведении; чаще всего этот прием проявляется в виде общей формулы, условно говоря, «два к одному» в следующих модификациях: либо «два в одном», либо «сокращение в два раза». В данном случае наглядный пример использования приема «два в одном» — это совмещение в образе Елевкипы бездетности Анны и беспорочного зачатия Марией; а приема «сокращение в два раза» — это сокращение количества младенцев (Иоанн и Христос в Лк. — Галактион в ЖГЕ) и числа 8 (двойное упоминание 8 дней в Лк. заменяется единственным в ЖГЕ)[29].

Перекличка (общий мотив премудрости) обнаруживается и в эпизодах, рассказывающих о детстве Иисуса и Галактиона. Агиограф и в данном случае применил прием «сокращения в два раза» исходного матерus. В Лк. о премудрости Христа сообщается два раза, правда, в пределах одной главы: «Младенец же возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости...»; «Иисус же преуспевал в премудрости...» (Лк. 2: 40, 52) — а в ЖГЕ о премудрости Галактиона — один («Отроча же толма бяше навыкло книгы, якоже всемъ премудростемъ изъучитися ему въскоре...» — стб. 154).

* * *

Особую роль в понимании процесса сложения сюжета ЖГЕ играет мотив искушения — поворотный в развитии событий в этом житии.

Сцены, в которых обозначен этот мотив, в структуре ЖГЕ и Лк.[30] имеют в определенном смысле аналогичное расположение, усиливающее параллелизм биографических эпизодов в текстах сравниваемых памятников. В Лк. искушение Христа изображено после сцен проповеди Иоанна и крещения им иудеев, в том числе и Иисуса (Лк. 3: 3—22). В ЖГЕ сходной сцене предшествует эпизод крещения Галактионом своей невесты-язычницы (стб. 154—155). Однако в Лк. мотив искушения (Иисуса всячески искушает дьявол) в отведенной ему сцене занимает структурообразующие позиции (Лк. 4: 1—13), фиксируя ее начало: «...сорок дней он был искушаем от диавола...» (Лк . 4: 4: 2) и конец: «И окончив все искушение, дьявол отошел от Него до времени» (Лк. 4: 4: 13). Напротив, в ЖГЕ (стб. 155) мотив искушения, представленный в сцене обсуждения сна-видения Епистимии, еле уловим и обозначен единственным словом. После крещения св. Епистимия постоянно видит один и тот же сон, который пересказывает Галактиону: **вижду убо полаты прекрасны зело и в нихъ три лики поющихъ единъ убо ликъ черны ризы имать, другый же ликъ дѣвица благообразны имать, третиї же ликъ человѣкы крылаты добровидны и огненобразны имать** (стб. 155). В его трактовке этот сон являет собой символ счастливой жизни последователей Христа, оставивших мирскую суету: **ей, госпоже моа, первый ликъ суть сїи, ихже видиши черны ризы носящихъ, тїи убо оставиша богатство и славу, еще же к симъ и жены своа и чада, и послѣдоваша Христу; вторый же лики, ихже видѣла еси дѣвица благообразны, сїи суть жены, иже оставиша своа супругы и всю мирьскую суету и прелесть и послѣдоваша Христу; третїи же лики, иже суть // человѣцы крылати и огнообразны, сїи суть святїи аггели, с ними же радующеся ликыствують въ вѣкы** (стб. 155). Св. Епистимию увлекает такая перспектива, обрученные жених и невеста принимают совместное решение сохранить девственность, и Галактион произносит сакраментальные слова: **благодарю Бога моего Іисуса Христа, яко приклони ухо свое к намъ, и в день <u>искушенїа</u> нашего сыгласїе наше станеть едино** (стб. 155—156).

Будучи поворотным, мотив искушения тем самым находится на пересечении других тем и мотивов, взаимодействующих друг с другом, и оказывается поэтому фокусом нескольких смыслов, по-разному сопряженных с соотносимыми с ЖГЕ произведениями. Сцена искушения, следуя в «Житии» за сценой крещения, как в Лк., создает аллюзию на Евангелие от Луки. Но суть искушения в ЖГЕ иная – свв. Галактион и Епистимия проходят через искушение земной любовью в браке и отвергают ее в пользу любви небесной. Именно этот смысловой пассаж определяет еще одну литературную аналогию – с «Деяниями Иуды Фомы». Искушению в ЖГЕ в равной степени подвергаются оба героя, и Галактион, и Епистимия, но при этом, помимо общих, каждый из героев имеет и свои литературные параллели. В образе св. Епистимии просматриваются некоторые аналогии с определенными образами святых женщин византийской агиографии – момент искушения усиливает их (показательна связь с образом св. Феклы). Именно благодаря мотиву искушения возникает ассоциативная связь и с такими произведениями, которые находятся в иной культурно-литературной плоскости, нехристианской, – имеются в виду греческие романы, в первую очередь роман А. Татия «Левкиппа и Клитофонт». В указанной сцене, когда юные супруги клянутся друг другу в вечной любви и девственности, наиболее отчетливо проявляется сюжетная схожесть, основанная на наличии в обоих произведениях в качестве сюжетообразующего мотива девственности[31].

При том что греческие романы отличаются общей типологией, о каких-либо существенных аналогиях в структуре ЖГЕ с этими романами можно говорить лишь применительно к роману «Левкиппа и Клитофонт», с «Эфиопикой» Гелиодора «Житие» сближают лишь определенные ассоциации, впрочем, немаловажные[32].

Обнаруженные в ЖГЕ аналогии в приемах композиции с романом А. Татия закрепляются наличием в обоих произведениях общих мотивов (искушения и девственности – последний с иной идейной парадигмой). Именно «на пересечении» этих мотивов в указанной выше сцене ЖГЕ обнаруживается определенная идейно-композиционная схожесть с двумя сценами в романе А. Татия. В каждой из них главным героям и романа (Левкиппе и Клито-

фонту), и «Жития» (Галактиону и Епистимии) удается «справиться» с искушением, условно говоря, «потери девственности» благодаря «вмешательству» пророческих снов-видений[33].

Обе сцены романа А. Татия при значительном сюжетном отличии имеют символико-смысловую связь и между собой и каждая по-своему с указанной выше сценой из ЖГЕ. В первой из названных сцен «вмешательство» сновидений в развитие событий обладает более изощренной структурой, чем во второй, более схожей с житийной, но и в том и в другом случае в романе, в отличие от ЖГЕ, имеются два разных сновидения (соответственно: сон Клитофонта и сон матери Левкиппы; сон Левкиппы и сон Клитофонта). Наибольшей символико-смысловой глубиной обладает первый сон Клитофонта. Герой видит себя во сне сросшимся нижней частью тела до живота с девушкой, которую отсекает от него серпом ужасная на вид женщина (I, 32). В античности в виде сросшихся тел юноши и девушки изображали андрогинов — так в романе А.Татия возникает тема «разрезания андрогина». Это сновидение сбывается в романе несколько раз, в основном по отношению к главным героям, Клитофонту и Левкиппе. Событие, интересующее нас, описывается в романе вскоре после этого сновидения.

Клитофонт пробирается в спальню Левкиппы, желая предаться «таинствам Афродиты», — в это время матери героини, Панфии, снится сон: разбойники похитили ее дочь и мечом разрезали ее тело, начиная с паха (первый сон сбывается в другом сне, второй — парафраза первого). Мать врывается в спальню дочери — Клитофонт убегает. Сон сбывается еще раз: мать как бы играет роль страшной женщины — при этом она кричит, что у дочери порез страшнее, чем от меча. Смысл первого сновидения о «разрезании андрогина» углубляется — он оказывается связанным с лишением невинности. Однако бесчестье Левкиппы мнимое[34] (II, 63). Опасаясь гнева родителей, девушка и юноша принимают решение бежать (II, 65). С этого момента начинает разворачиваться клубок приключений героев романа.

Следующая сцена в большей степени схожа с житийной, чем первая. Во время путешествия, пережив целый ряд испытаний, Левкиппа и Клитофонт оказываются вместе, и Клитофонт вновь предпринимает попытку предаться «таинствам Афродиты» — и

ситуация, в целом, повторяется. Но на сей раз Левкиппа останавливает его, чтобы рассказать свой сон, который приснился ей незадолго до этого перед тем, как над ней была произведена мнимая расправа в виде жертвоприношения. Во сне ее успокаивала богиня Артемида, обещая, что Левкиппа сейчас не умрет и останется девственницей до тех пор, пока сама Артемида не устроит ей свадьбу с Клитофонтом. В свою очередь, Клитофонт вспоминает свой сон, который созвучен сну его возлюбленной. Герой во сне оказывается в храме Афродиты, приближается к кумиру богини, чтобы помолиться — и в этот момент двери храма закрываются. Появляется женщина, похожая на кумир богини, и произносит, обращаясь к Клитофонту: «Тебе не дозволено проникнуть в храм, но подожди, и я сделаю тебя жрецом богини» (IV, 93–94).

Эти сны мотивируют «превращение» героев: Левкиппа, не отличающаяся до того стремлением сохранить невинность, становится поклонницей Артемиды, а «Клитофонт пытается умерить чувственность и оставаться целомудренным до законного брака» [35].

В целом, агиограф и на этот раз прибег не к простому заимствованию, а к своего рода транформации художественного материала, вновь использовав прием двукратного его сокращения. Две параллельные сцены в романе А. Татия «переработаны» в одну в ЖГЕ (см. выше), в свою очередь, от двух сновидений — также остается одно.

Сходство между рассмотренными эпизодами искушения в романе и ЖГЕ закрепляется дополнительной ассоциативной перекличкой между сновидениями, которые относятся к последней из рассмотренных сцен в романе, и первым и вторым сновидением Епистимии, причем первый сон Левкиппы тематически близок второму сну Епистимии, а второй сон Клитофонта — первому сновидению Епистимии, связанному со сценой искушения. Общая тематика последних из указанных сновидений — это служение богам (Клитофонт во сне видит себя в храме Афродиты, где ему обещается, что он станет жрецом богини; Епистимия в сновидении видит палаты прекрасные, где находятся монахи и ангел). Сакраментальной оказывается символическая связь между сном Левкиппы (см. выше) и вторым сновидением Епистимии

(...мняшеся стоіати с мужемъ своимъ Галактіономъ в полатѣ прекраснѣ зѣло и вѣнчатися отъ царя — стб. 157). В каждом из них в общем виде представлена трактовка мотива девственности в романе и «Житии», и они перекликаются друг с другом. В первом случае — это брак земной, обещанный богиней Артемидой; во втором — брак небесный, в котором святые венчаются от царя, то есть Царя Небесного, Иисуса Христа (согласно объяснению игумена монастыря, в котором находился св. Галактион, к чему мы еще вернемся)[36].

* * *

Произведение, в котором обнаруживается аналогичная ЖГЕ сюжетная модификация мотива девственности, — апокрифические «Деяния Иуды Фомы» (о чем уже было упомянуто). Одна из центральных тем ДИФ — аскетическое отношение к браку. Среди историй о деяниях апостола Иуды Фомы несколько таких, в которых их герои, в основном, женщины, под влиянием проповедей апостола отказываются от уз земного брака. Соотносимый с ЖГЕ эпизод расположен в первой части апокрифа, в нем оба новоиспеченных супруга в день своей свадьбы навсегда по обоюдному согласию отказываются от брачного ложа, и происходит это, как показывает автор, под влиянием молитвы Иуды Фомы, которую он возносит к Богу за невесту, дочь царя, и ее жениха (162–165). Значительное совпадение в реализации мотива девственности в этой истории и сюжете ЖГЕ объясняется, по-видимому, распространением в Сирии раннехристианской еретической идеологемы, провозглашающей девственность и безбрачие образцом для подражания. Показательно в связи с этим наличие в ЖГЕ и ДИФ общих мотивов: это и мотив девственности, и христологичности, и ученичества, и преданности женщин своим учителям во Христе (Галактиону и апостолу Фоме соответственно), а также мотив крещения язычников, добровольного принятия мученичества и некоторые другие[37]. Но в каждом из произведений эти мотивы имеют, в целом, различные сюжетные модификации. Первопричиной этого, вероятно, является их ориентация на различные образцы евангельских сюжетов — Евангелие (ЖГЕ) или Деяния Апостолов (ДИФ), хотя безусловно на

их создание повлияли и другие литературные источники (например, греческие романы)[38]. Обнаруженная между ЖГЕ и ДИФ связь, скорее всего, объясняется не заимствованием, а общностью эпохи их создания – и это важный фактор в решении проблемы атрибуции ЖГЕ. Учитывая, что идея аскетического отношения к брачным узам, да еще со стороны обоих супругов, не изведавших супружеского ложа, не получила закрепления в христианстве, а также наличие в ЖГЕ некоторых топонимических и ономастических «указателей» на некое отношение с сирийским регионом, в котором эта идеологема имела наибольшее распространение (свидетельство тому – ДИФ), можно предположить, что ЖГЕ было создано в конце III – начале IV в. Среди дополнительных аргументов – датировка романа А. Татия (см. выше), а также время проведения церковного Собора в г. Ганграх, в Малой Азии (вторая четверть IV в.), на котором было осуждено отвержение брака[39].

* * *

Своеобразным ключом к раскрытию сложения сюжета ЖГЕ является ЖФ.

Имеющиеся в данных житиях структурные параллели и ассоциации, а также аналогии на лексико-синтаксическом уровне значительны не только сами по себе, но и отчасти как указатели на связь ЖГЕ через ЖФ (интертекстуально) с другими произведениями (например, с ДИФ и Лк.).

Мотив девственности, представленный в ЖФ в распространенной сюжетной модификации, когда от брака во имя служения Богу отказывается девушка, односторонне, по женской линии близкий ЖГЕ, пересекаясь с мотивом искушения, закрепляет эту одностороннюю структурную аналогию. В сюжете ЖФ искушению св. Феклы отводятся две истории. Первая – это история о том, как Фекла под влиянием проповедей апостола Павла отказалась от своего нареченного жениха. Уже из первых сведений о героине ЖФ становится известно, что она – девушка из аристократической семьи, обрученная с Фамиром, знатным богатым юношей (стб. 1377–1380). Следующая история искушения Феклы изображена тогда, когда святая уже прошла ряд испыта-

ний. В Антиохии, куда она последовала за своим учителем ап. Павлом, ее красотой был пленен некий Александр — также молодой, красивый и знатный в своем городе человек. Значительная цепь событий после встречи героини жития с ним связана в ЖФ с развитием сюжетной линии — Фекла — Александр. Неравное, не в пользу героини противостояние главных персонажей этой линии заканчивается победой св. Феклы (стб. 1382—1384).

Аналогия с ЖГЕ (здесь также использован прием сокращения вдвое) в реализации в ЖФ мотива искушения связана с темой любви земной и возможного брака и закрепляется, в частности, совпадением значимых лексико-синтаксических конструкций. Параллель, возникающая благодаря им, подтверждает наши наблюдения относительно пересечения нескольких смыслов в ключевой для ЖГЕ сцене преодоления искушения, связанных с другими близкими «Житию» произведениями (собственно преодоления искушения — во всех рассматриваемых произведениях; сохранения девственности — в ЖФ, ДИФ, романе А. Татия; преданности Учителю — в ЖФ и др. — см. таблицу 1) [40]. Содержанием указанной лексико-синтаксической параллели является обещание какого-либо из персонажей своему учителю следовать за ним до конца. Благодаря этой словесной формуле в ЖГЕ в сцене искушения появляется дополнительный, помимо обещания супругов хранить непорочную верность друг другу, смысл — преданности Учителю (см. в таблице).

Таблица 1

«Житие Галактиона и Епистимии»	*«Житие Феклы»*	*Евангелие от Луки (Лк. 9: 57) (Архангельское ев.)* [41]
Єпистимі́а же обѣщаса ему свѣдѣтеля на се представляя Господа нашего Іисуса Христа, ѭко въ всемъ послѣдствую тъ, аможе аще идеши... (стб. 155).	**Рече же Фекла к Павлу: да постригуса и да въ следъ тебе хожду, аможе аще идеши** (стб. 1381).	**...бъсть идоущю ісви въ поуть, рече етеръ къ немоу идоу по тебе амо же колижьдо идеши** (л. 58 об.).

Приведенная параллель раскрывает такую ассоциативную грань в образе Епистимии, как ученичество и преданность евангельских женщин Учителю (Христу), усиливая тем самым «идею» второго Христа в образе Галактиона.

* * *

Наименее понятным по своему происхождению пока представляется нам эпизод ЖГЕ, связанный с монастырской тематикой. Рассказ о службе св. Галактиона в монастыре следует в «Житии» после сцен искушения святых и подготовки их к уходу из мирской жизни. Поклявшись друг другу в вечной непорочной любви, обрученные жених и невеста, раздав все свое имущество, поднимаются на гору Пуплион, чтобы разойтись по монастырям. За ними, приняв от Галактиона крещение, следует раб отца Епистимии Евтоломиос, свидетель и рассказчик жития святых. Св. Галактиона и Евтоломиоса принимают на службу в мужской монастырь, а св. Епистимию отправляют в ближайшую женскую обитель. В собственно монастырском эпизоде св. Епистимия выведена за рамки событий. Центральным персонажем в повествовании о жизни в монастыре является св. Галактион (стб. 156–157). Описание «монастырского» периода жизни святого по сути является похвалой. Автор избирает такую художественную структуру, которая позволяет ему, рассказывая о подвигах послушания св. Галактиона-монаха, одновременно его восхвалять. В этом сюжете менее всего аналогий с близкими ЖГЕ произведениями, обнаруженными к настоящему моменту, — их число должно, вероятно, увеличиться.

Те, на первый взгляд, незначительные реминисценции, которые все же удалось отыскать, очень важны как дополнительные аргументы в пользу уже установленных нами литературных связей. Наиболее заметная свидетельствует о стремлении агиографа эксплицировать, насколько это возможно, структурную зависимость ЖГЕ от Евангелия от Луки. Так, в начале эпизода о жизни в монастыре, когда герои ЖГЕ восходят на гору Пуплион, агиограф сообщает: **В той же нощи въставше и шествовавше осмь днїй, и доидохомъ в горе Пуплионъ, идѣже бяше мнихъ 12 числомъ** (стб. 156). Между обозначенным фрагментом в ЖГЕ и пе-

рекликающимся с ним в Лк. (хотя он относится к эпизоду, иному по содержанию) имеются схожие детали: оба они включены в эпизоды, которые последовали после сцен искушения (хотя и в ЖГЕ, и особенно в Лк., им предшествуют некоторые другие события), сообщают о восхождении на гору, о ночном времени и, главное, в обоих случаях говорится о двенадцати: в ЖГЕ – монахах, в Лк. – учениках («В те дни взошел Он на гору помолиться и пробыл всю ночь в молитве к Богу. Когда же настал день, призвал учеников Своих и избрал из них двенадцать, которых и именовал Апостолами...» – Лк. 6: 12, 13). Благодаря данной параллели отчетливее проступает неявный в структуре ЖГЕ вне сравнительного анализа (см. сравнительный анализ с ЖФ) мотив ученичества, усиливается такое значение образа Епистимии, как ученицы Галактиона, и раскрывается такое же значение ученика и в образе Евтоломиоса[42]. Так, от эпизода к эпизоду все глубже проступает символическая связь образа св. Галактиона с образом Иисуса Христа (у евангелиста Луки).

С романом А. Татия в данном случае также обнаруживается дополнительная структурная параллель. Так же как в ЖГЕ, сцена искушения сменяется сценами подготовки и ухода из дома главных его героев, Галактиона и Епистимии (стб. 156), в романе первая сцена искушения сменяется сценами подготовки и побега из дома Левкиппы и Клитофонта (II, 65–67). Правда, герои жития поднимаются на гору, а романа – отправляются в морское путешествие. Но сближает эти эпизоды, помимо структурного параллелизма, их общее значение: и для одних, и для других это стартовый эпизод в осуществлении предначертанного им свыше пути.

В «монастырском» эпизоде получает своеобразное развитие и мотив девственности. Среди монашеских подвигов святого назван и такой, как отказ Галактиона видеть женщин. Он решительно отвергает предложение братьев по монастырю отправиться на встречу с престарелой диакониссой, в обители которой можно было бы увидеться и с Епистимией, – штрих, дополнительно подчеркивающий максимально аскетическую интерпретацию мотива девственности в ЖГЕ.

Хотя нам не удалось обнаружить в монашеско-монастырских сценах ранних византийских житий отчетливых аналогий «мо-

настырскому» эпизоду в ЖГЕ, но само по себе наличие житий с подобной тематикой предполагает возможность появления такого эпизода в сюжете «Жития», предварительно отнесенного нами к IV в.[43]

* * *

Схема финальной части ЖГЕ (мученичества) в общих чертах (арест по доносу, судилище: допрос, пытки; казнь, в данном случае через усечение головы, последующее захоронение, похвала Богу) отвечает жанровому канону мартирия[44], оформившемуся в первые века христианства и генетически связанному с евангельскими сценами мученической смерти Христа.

Для наглядности приведем основное содержание эпизода, посвященного подвигу мученичества святых в ЖГЕ. Некто известил князя Урса о монахах, живущих на горе Синайской и исповедующих Христа. Князь послал воинов схватить их и привести к нему на суд. В ночь перед арестом св. Галактиона св. Епистимия видит сон[45], который игумен, настоятель монастыря св. Галактиона, трактует как предначертание свыше свв. Галактиону и Епистимии грядущих страданий и радостей: **полата прекрасна, чадо мое, царство небесное есть; вѣнца же трудовъ и болѣзней въздаанїа суть; царь же есть Христосъ, Єго же ради // много претрьпѣсте; ты же убо, чадо мое, и Галактїонъ прїимете мукы отъ князя Урса; да не мози убо, възлюбленнаа, ослабѣти; многа бо тебе ждуть благаа и неизреченнаа веселїа** (стб. 157).

Воины, пришедшие, чтобы взять монахов, никого, кроме св. Галактиона, не застали – все монахи скрылись. Св. Епистимия, увидев, как Галактиона ведут на расправу, уговорила диакониссу позволить ей присоединиться к Галактиону.

С наступлением утра святых повели на суд к князю Урсу. Сцена судилища началась с допроса. Традиционны и вопросы князя (о том, кто они, об их Боге, о языческих богах) – и ответы Галактиона (они монахи и христиане, их Бог сотворил небо и землю и все, что есть, а языческие боги – камни и деревья, тленные вещи). Такие ответы приводят Урса в ярость, он приказывает бить Галактиона воловьими жилами. Епистимия, плачущая над жестоко избиваемым Галактионом, не скупясь на эпитеты, обвиняет кня-

зя в жестокости. Разгневанный князь приказывает обнажить Епистимию. Заступаясь за свою честь, святая совершает чудо ослепления своих мучителей с последующим возвращением им зрения, так как они убеждают ее, что уверовали в Христа. Но князь уверяет своих слуг в обратном — в том, что ослепление исходило от их богов, и приказывает предать святых жестоким истязаниям. Святым поочередно отсекают руки, ноги и голову. В процессе истязаний свв. Галактион и Епистимия не перестают славить Бога.

Мартирий в ЖГЕ, не копируя евангельской истории трагического завершения земного пути Иисуса, не только структурно зависим от нее, что вполне типично для жития-биос святых мучеников, но содержит целый ряд деталей, подчеркивающих связь с Евангелиями, в том числе и с Лк.

Именно с Лк. возникает большая формальная схожесть в структурно параллельных сценах, находящихся до (в Лк.) или после (в ЖГЕ) сцен предательства/доноса и в обоих случаях перед взятием Иисуса Христа и св. Галактиона, — сценах, в которых описывается состояние героев перед принятием мученической смерти, — и это последний эпизод их свободной жизни. Большая структурная схожесть с Лк. заключается в том, что если в Мф., Мк., Ин. Иисус перед предательством его Иудой идет в Гефсиманский сад (Мф. 24: 36; Мк. 15: 32; Ин. 18: 1), то в Лк. — на Елеонскую гору («И вышед пошел по обыкновению на гору Елеонскую» — Лк. 22: 39). А св. Галактион перед арестом был в монастыре, расположенном, как уже упоминалось, на горе.

Как это ни странно, но такое принципиальное сюжетное отличие мартирия в ЖГЕ от евангельского текста, как наличие не одного, а двух персонажей-мучеников, свв. Галактиона и Епистимии, ассоциативно сближает его с Лк. В сюжетной линии Галактион — Епистимия через посредство ЖФ, о котором речь уже шла, реализуется евангельский мотив ученичества и преданности женщин Христу, наиболее проявившиеся в Лк. Такие фрагменты заключительных сцен «Жития», как добровольное устремление св. Епистимии следовать за св. Галактионом [46], чтобы разделить с ним подвиг мученичества во имя Христа, а также ее поведение во время допроса их князем-идолопоклонником Урсом [47], вполне соотносимы (тем более что имеется множество других более ве-

сомых параллелей и аналогий, приводившихся нами в ходе сравнительного анализа ЖГЕ с Лк.) с фрагментом сцены шествия на Голгофу в Лк.: «И шло за ним великое множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о нем» (Лк. 23: 27).

Именно в мартирии, более чем в других эпизодах ЖГЕ, близких эпизодам «биографии» Иисуса Христа в Лк., обнаруживаются детали, представляющие собой аллюзии на подобные эпизоды и в других Евангелиях. Одна из причин — максимальное их сходство по сравнению с другими частями Евангелия. Однако не только, так как ряд мотивов сцен мученичества Христа, менее, чем в других Евангелиях, реализованных в Лк. или вовсе отсутствующих в нем, получил в ЖГЕ отражение (показательный пример — мотив венчания, венца) [48].

Заключение ЖГЕ, где на первый план выходит рассказчик Евтоломиос, усиливает сходство с финальными сценами Евангелия. В нем Евтоломиос от первого лица сообщает, что наблюдал за всем происходящим, и, испытывая великий страх, взял оставленные на месте расправы мощи святых, долго плакал над ними и потом их спрятал, прославляя Бога.

Несмотря на то, что финальные сцены ЖГЕ практически в равной степени соотносимы со сценами мученической кончины Христа во всех четырех Евангелиях, это нисколько не умаляет общих выводов о том, что основу структуры ЖГЕ (имеются в виду эпизоды, связанные с этапами подвижничества св. Галактиона) составляет определенная часть структуры Лк. (некоторые эпизоды земной жизни Христа). Дополнительным аргументом в пользу данного утверждения, думается, может служить тот факт, что только Лк. начинается со вступления (эта редакция ЖГЕ обладает вступлением от имени Евтоломиоса).

* * *

Процесс сложения сюжета ЖГЕ в общем виде выглядит следующим образом. За основу структуры «Жития» агиограф взял некоторые из важнейших эпизодов Лк., повествующих о земном пути Иисуса Христа. Данные эпизоды перестраивались и наполнялись разнообразным материалом литературного происхождения, частью которого явились ведущие евангельские мотивы (из-

бранничества, пророчества, искушения и др.), а также отдельные художественные приемы и детали[49], заимствованные из текстов Нового Завета (Евангелий, Деяний Апостолов, Посланий и др.) и связанные в первую очередь с идеей спасения[50]. Отобранному евангельскому материалу наиболее соответствует один из главных персонажей — св. Галактион, прообразами которого являются Иисус Христос — в первую очередь, но также и Иоанн Креститель.

Формированию сюжета «Жития» в значительной степени способствовали, по нашему представлению, два ведущих мотива: мотив девственности и мотив искушения. Благодаря этим мотивам в сюжете ЖГЕ евангельская основа гармонично переплелась и с родственным (ЖФ), и с качественно иным литературным материалом (роман А. Татия). Закономерной выглядит ориентация агиографа ЖГЕ на ЖФ[51]: в нем одновременно развиваются мотивы Лк. (ученичества, женской преданности) и получает (возможно, впервые в текстах, близких евангельским) художественную разработку мотив девственности. Это произведение, в котором элементы восточно-христианской евангельской поэтики гармонично сочетаются с элементами позднеантичной поэтики, в частности греческих романов. ЖФ для ЖГЕ стало связующим звеном и с Лк., и с ДИФ, и отчасти с романом А. Татия. Увлечение аскетической идеологемой безбрачия или «девственного брака», вероятно, могло привлечь внимание создателя ЖГЕ к роману «Левкиппа и Клитофонт» и привести к творческому его использованию (главным образом, некоторых из его сюжетно-композиционных приемов). Обращение к роману, как нам представляется, способствовало окончательному оформлению сюжета и композиции, а также придало житийной назидательности дополнительные смысловые оттенки. Несмотря на то, что агиограф обратился к произведениям, разным по жанру, сюжету и даже культурно-историческим основам, ему удалось, благодаря выработанным им приемам обработки заимствованного материала[52], создать цельное повествование.

В тексте ЖГЕ имеются «указатели» на каждое из названных произведений-«доноров» (помимо заимствованного и переработанного литературного материала): видение Христа указывает на Евангелие, имена родителей святого — на роман А. Татия, имя

Феклы — на ЖФ. Такое явление, видимо, имело распространение в греческих житиях (примеры были приведены выше) и может быть использовано при исследовании проблем литературных связей переводных житий.

Хотя ЖГЕ связано теми или иными аналогиями с рядом произведений, однако по своей типологии, думается, должно быть отнесено к житиям (надеемся, нам удастся их обнаружить), которые были созданы по такому образцу, как Лк. Сочетание в одном «Житии» следующих факторов: предположительно раннего создания ЖГЕ (конец III — начало IV в.), с одной стороны, с другой — сюжетной схемы «Жития», отвечающей жанровому канону, — может быть объяснено ориентацией агиографа в работе над ЖГЕ на структуру Лк.

В результате представленного анализа был определен круг вопросов перспективного исследования поэтики ЖГЕ. Среди них подробный сравнительный анализ ЖГЕ с Лк., всеми Евангелиями и отдельными текстами Нового и Ветхого Завета, а также более детальный сравнительный анализ с сирийскими апокрифами определенной тематики и греческими романами, главным образом, А. Татия и Гелиодора. Аналогии и ассоциации в структуре ЖГЕ, уже установленные и те, которые еще предстоит обнаружить, будут способствовать решению проблем композиции, стиля, жанра, атрибуции, а главное, раскрытию сокрытого в содержании «Жития» глубинного смысла. Так, целый ряд признаков позволяет нам предварительно прийти к выводу о том, что в ЖГЕ заключен примечательный сакральный смысл: «девственно чистый брак» свв. Галактиона и Епистимии является аллегорией союза Христа с Церковью. Однако путь к раскрытию названной аллегории пролегает через детальный анализ символики (образов святых, цитат, аллюзий и др.), содержащейся в ЖГЕ[53].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Выражаю благодарность О. В. Гладковой за ценные советы и замечания. «Житие Галактиона и Епистимии» в дальнейшем — иногда ЖГЕ, «Житие».

[2] См. об этом подробнее: *Полякова С.* Византийские жития как литературные явления // Жития византийских святых. СПб., 1995. С. 5—6.

[3] Там же. С. 5.

[4] См. об этом, например: *Адрианова-Перетц В. П.* Сюжетное повествование в житийных памятниках. XI–XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 69.

[5] *Ахилл Татий.* Левкиппа и Клитофонт. *Лонг.* Дафнис и Хлоя. *Петроний.* Сатирикон. *Апулей.* Метаморфозы, или Золотой осел. М., 1969. С. 21–167 (Левкиппа и Клитофонт); *Харитон.* Повесть о любви Херея и Каллирои. *Лонг.* Дафнис и Хлоя. *Гелиодор.* Эфиопика, или Теаген и Хариклея. М., 1988. С. 245–469 (Эфиопика). В дальнейшем – при обращении к содержанию романа А. Татия ссылки будут даваться на издание: *Ахилл Татий Александрийский.* Левкиппа и Клитофонт. М., 1925. Подобная ситуация, когда в связи с исследованием греческих романов привлекаются по тем или иным причинам жития, в частности ЖГЕ (далее приводятся страницы обращений к нему), наблюдается, например, в исследованиях: *Веселовский А. Н.* Из истории романа и повести: Материалы и исследования. Вып. 1: Греко-византийский период. СПб., 1886. С. 35–36; *Полякова С. В.* Из истории византийского романа. М., 1979. С. 38–39; *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 250; *Протопопова И. А.* Восприятие романов в христианской культуре: житие Галактиона и Епистимии // *Она же.* Ксенофонт Эфесский и поэтика иносказания. М., 2001. С. 393–396. В других исследованиях связь романа и жития устанавливается, правда, отталкиваясь от последнего (в данном случае от ЖГЕ), но также в виде общих замечаний, см.: *Безобразов П.* Византийские сказания // Византийское обозрение. Юрьев, 1916. Т. II, вып. 2. С. 208–209; *Николай Кочев.* Агиографската повест и античната литература на Балканите през средните векове // Palaeobulgarica = Старобългаристика / Българска Академия на науките Кирило-Методиевски научен център. София, I (1977), 1. С. 79. Несмотря на скупость замечаний исследователей относительно существа связи между романом А. Татия и ЖГЕ, можно выделить несколько различных точек зрения, которые будут приведены специально.

[6] Время создания ЖГЕ не установлено. В тексте «Жития» не указан даже год кончины святых. Архиеп. Сергий предполагает, что описанные события могут быть отнесены к эпохе Диоклетиана (т. е. к III – нач. IV в.) или его преемников, исходя из того что родителей св. Галактиона крестил монах и монашеской жизни самих свв. Галактиона и Епистимии. Об этом см.: *Сергий, архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т. III. М., 1997. С. 455–456. Вопрос о том, когда могло быть создано ЖГЕ – одна из проблем настоящего исследования. О появлении ЖГЕ на Руси см.: *Белоброва О. А.* Житие Галактиона и Епистимии // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987. С. 143–144.

[7] Об этом речь пойдет особо.

[8] *Коробейникова Л. Н.* К вопросу о мотиве числа «8» в «Житии Галактиона и Епистимии» // Кусковские чтения: Культурное наследие Древней

Руси: (Материалы научной конференции, посвященной памяти В. В. Кускова (9 ноября 2000 г.). М., 2001. С. 85—92.

[9] В статье приводятся цитаты по этому изданию в виде указания в скобках стб. См.: Великие Минеи Четии, собранные митрополитом Макарием: Ноябрь, дни 1—12. Спб., 1897. Стб. 149—160 («Житие Галактиона и Епистимии»); в дальнейшем — ВМЧ. Издания греческих текстов ЖГЕ обеих редакций, а также перечень разысканных списков см.: *Коробейникова Л. Н.* История текста «Жития Галактиона и Епистимии»: предварительные наблюдения. С. 351—366 наст. изд.

[10] «Ибо не слушатели закона праведны у Бога, но исполнители Закона оправданы будут» (Рим. 2: 13; точная цитата из Послания приводится в синодальном переводе. Об этом также см.: *Гладкова О. В.*, *Коробейникова Л. Н.* «Житие Галактиона и Епистимии» в составе Великих Миней Четиих митрополита Макария // Макарьевские чтения: «Памятники древнерусской культуры»: (Материалы II Российской научной конференции 8—10 июня 1994 года, посвященной памяти Святителя Макария). Можайск, 1994. Вып. II, ч. 1. С. 133.

[11] Наиболее значительные сюжетообразующие части «Жития» будут рассмотрены специально.

[12] «Трафарет в античной и средневековой литературе — не синоним штампа, так как оригинальность и свобода не мыслятся вне формальных рамок, строго ограниченных соответствующими условиями; самое же его появление... указывает только на период закончившегося формирования жанра». О житийной трафаретной схеме см.: *Полякова С.* Византийские жития как литературные явления. С. 8.

[13] По мнению С. В. Поляковой, одной из целей подобного поступка (заимствований из греческих романов имен и топонимов) могло стать стремление автора «Жития» застраховать роман А. Татия «Левкиппа и Клитофонт», «так как нападать на роман, где действуют отец и мать чтимых святых (необычность имен не позволяла византийскому читателю видеть здесь простое совпадение), (...) было невозможно (...)». *Полякова С. В.* Из истории византийского романа. С. 38—39.

[14] В дальнейшем — Лк.; цитаты и переложения будут приводится по Синодальному переводу, особые случаи оговариваются специально. В данном исследовании представлен сравнительный анализ схожих элементов структуры ЖГЕ и Лк.

[15] Краткая характеристика Евангелия от Луки приводится по статье: *С. С. Аверинцев.* Истоки и развитие раннехристианской литературы // ИВЛ. Т. I. М., 1983. С. 501—516 (цитаты — с. 510).

[16] Исследованию женских образов в ЖГЕ посвящена наша статья: *Л. Н. Коробейникова.* «Житие Галактиона и Епистимии»: женские образы // Мир житий: Сб. материалов конф. (Москва, 3—5 октября 2001 г.). М., 2002. С. 38—46.

[17] «Житие Феклы» — такое название условно; его текст в составе ВМЧ под 24 сентября имеет название: «Мучекіе (так) святыя первомученица Фекла Прехвальныя»: Великие Минеи Четии, собранные митрополитом Макарием: Сентябрь, дни 14—24. Спб., 1869. Стб. 1376—1390 («Житие Феклы»). В дальнейшем при обращении к тексту этого жития ссылки приводятся по указанному изданию, а также будет использовано сокращение — ЖФ. Текст ЖФ практически индентичен одной из составных частей апокрифических «Деяний апостола Павла», которое носит название «История Феклы, ученицы Павла, апостола», см. об этом: *Мещерская Е.* Апокрифические деяния апостолов: Новозаветные апокрифы в сирийской литературе. М., 1997. С. 412—440 (вступительная статья, перевод на русский язык сирийского текста «Истории Феклы, ученицы Павла, апостола», комментарии). Раскрытию имеющихся в ЖГЕ и ЖФ аналогий и ассоциаций в статье отводится специальный раздел.

[18] В данном исследовании в силу специфики материала мы обращались к сравнительно-историческому анализу ЖГЕ с произведениями как одного, так и различных культурных ареалов (восточно-христианского и позднеантичного) и временных периодов (условно от II до IV в. от Р. Х.), хотя и тесно связанных. Отсюда появление терминов компаративистики («генетический» от «генезис», «стадиальный» от «стадий» в развитии литературы).

[19] Если наше предположение относительно раннего происхождения ЖГЕ подтвердится (выводы об этом содержатся в заключительной части статьи), то можно предположить, что указанное упоминание имени Феклы в ЖГЕ находится у истоков данной традиции.

[20] Представленная в статье классификация житий в связи с особенностями сюжетной модификации в них мотива девственности приблизительна и носит вспомогательный характер, ее цель — наглядно показать особенность модификации данного мотива в ЖГЕ, возможно, уникальной. По крайней мере, до сих пор нам не удалось обнаружить в житиях подобную сюжетную интерпретацию рассматриваемого мотива. «Деяния Иуды Фомы» — в дальнейшем ДИФ; цитаты и примеры будут приводится по: *Мещерская Е.* Апокрифические деяния... С. 153—306.

[21] Указанная датировка Нового Завета (вторая половина I — начало II в.) представлена по статье: *Аверинцев С. С.* Истоки и развитие раннехристианской литературы. С. 504; «Житие Феклы», а точнее, «Деяния ап. Павла» (II в.) по книге: *Мещерская Е.* Апокрифические деяния... С. 413; «Деяний Иуды Фомы» (условно, по приведенным в статье фактам — III—IV вв.) по книге: *Мещерская Е.* Апокрифические деяния... С. 34—36; романы А. Татия «Левкиппа и Клитофонт» (кон. II в.), Гелиодора «Эфиопика» (первая половина III в.) — по статье: *Гаспаров М. Л.* Греческая и римская литература // ИВЛ. М., 1983. С. 497; романы А. Татия «Левкиппа и Клитофонт» (не позднее 300 г.), Гелиодора «Эфиопика» (III в.) — по статье: *Болды-*

рев А. В. Ахилл Татий и его роман // *Ахилл Татий Александрийский.* Левкиппа и Клитофонт. М., 1925. С. 9.

[22] *Гладкова О. В.* Житие // ЛЭТИП. М., 2001. С. 267–270.

[23] *Минеева С. В.* Жанровое своеобразие жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (методологический аспект) // Мир житий: Сб. материалов конф. (Москва, 3–5 октября 2001 г.). М., 2002. С. 196.

[24] См., например: *Протопопова И. А.* Восприятие романов... С. 267–268.

[25] См. перечень указанных выше работ, в которых, в частности, говорится о связи ЖГЕ с романом А. Татия.

[26] Рассматриваем эту работу как начальный этап в изучении проблемы влияния литературных связей на процесс сюжетосложения ЖГЕ; одной из ее задач является определение круга проблем перспективного исследования поэтики ЖГЕ и некоторых других тематически близких ему ранних переводных византийских житий, например ЖФ.

[27] Мотив бездетности, в частности бесплодия, как известно, является древним бродячим мотивом. Например, сюжет в ВЗ о бесплодии Сарры (Быт. 1) или в греческом романе Гелиодора «Эфиопика» о бездетности родителей главной героини Хариклеи, царя Гидаспа и его жены царицы Персинны (IV 332–333). Однако сходство между сценами зачатия и рождения св. Галактиона в ЖГЕ с подобными сценами в Лк. (рождения Иисуса Христа и Иоанна Крестителя) не является случайным, что мы, в частности, и пытаемся показать в данной статье.

[28] Мотиву числа 8 в структуре ЖГЕ мы посвятили специальное исследование, см.: *Коробейникова Л. Н.* К вопросу о мотиве числа «8» в «Житии Галактиона и Епистимии».

[29] Проблема творческих приемов переработки заимствованного литературного материала агиографом ЖГЕ – весьма важна и для выработки инструментов исследования его творчества и других писателей его круга, и для изучения принципов литературного творчества той эпохи в целом. Обозначенные приемы – первые шаги на этом пути.

[30] Поскольку именно с Лк. в структуре ЖГЕ кардинальное количество аналогий, постольку текстуальное сопоставление с этим памятником ЖГЕ занимает в этой части статьи значительное место. Причем, начав рассматривать параллели с Лк., мы вынуждены периодически, в соответствии с логикой развития сюжета жития, переходить к сопоставлению его художественных элементов со схожими и в других произведениях (в романе А. Татия, ДИФ, ЖФ и др.) и, в свою очередь, вновь обращаться к Лк.

[31] На связь между этими разноплановыми произведениями (различны сюжеты, жанры, стили) исследователи указывали неоднократно, как выше уже отмечалось. В своей монографии И. А. Протопопова свою точку зрения на причины обращения создателя ЖГЕ к роману А. Татия противопоставляет мнению А. Н. Веселовского. Исследователь усматривал в ЖГЕ отражение смены идеала moice...a? (разврат, прелюбодеяние) «идеалом

девственного воздержания». Оппозиция Протопоповой сводится к следующему: «Если считать, что автор жития опирался на буквальное прочтение романа, то есть видел в нем непристойную эротику, аллюзии на него в житии кажутся необъяснимыми – гораздо логичнее, на наш взгляд, предположить, что произведение Ахилла Татия воспринималось агиографом сквозь призму аллегорезы, что и дало ему возможность объединить своих героев с персонажами "эротического романа"». Существует и промежуточная по отношению к приведенным точка зрения П. Безобразова, который считал, что «ценность девственности», воздвигнутая на фоне язычества, когда невеста и жених стараются сохранить телесную чистоту во имя любви друг к другу, находит дальнейшее развитие «в сказании о следующем поколении» в аскетическом браке «христианских подвижников». Наиболее адекватной представляется позиция Протопоповой, хотя, по-своему, с ней согласуется и мнение Безобразова. Так или иначе, но высказывания исследователей носят декларативный характер. Однако анализ романов А. Татия, Гелиодора и др., представленный в указанной монографии Протопоповой, открыл новые перспективы для сравнительных исследований византийских житий, в частности ЖГЕ, с ними. Одной из конкретных задач нашей работы и является осуществление сравнительного анализа наиболее возможных аналогий в романе А. Татия и ЖГЕ, а также определение дальнейших перспектив исследования этой проблемы. Так, например, считаем интересным, но преждевременным следующее утверждение Протопоповой: «Житие Галактиона и Епистимии показывает, что непосредственное соотнесение христианских сочинений и "эротического романа" существует уже в III веке...» – так как пока нет убедительных аргументов в пользу создания ЖГЕ в III веке или в какой-либо другой период. Попытка определить время создания ЖГЕ (с известным допуском) – также является одной из задач данного исследования. См.: *Протопопова И. А.* Восприятие романов... С. 396; *Веселовский А. Н.* Из истории романа... С. 36; *Безобразов П.* Византийские сказания. С. 209.

[32] Сюжеты греческих романов имеют большое сходство. Их основу составляет общая фабула: влюбленные девушка и юноша должны пройти через множество различных испытаний, нередко будучи разлученными (мнимые измены, истязания и смерти; наветы, искушения целомудрия и верности и многое другое) так, чтобы до свадьбы сохранить телесную чистоту. «Кончается роман благополучным соединением возлюбленных в браке». Подробнее об этом см.: *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе // *Он же.* Эпос и роман. СПб., 2000. С. 12–13. Анализ отдельных связей ЖГЕ с романом Гелиодора – одна из задач другого исследования.

[33] Хотя сюжетная схема ЖГЕ иная: испытания приключенческого (романного) характера, подобные тем, которые характерны для всех греческих романов, в ней отсутствуют, однако мотив девственности (правда, с

иной идейной парадигмой) сближает ЖГЕ практически со всеми греческими романами. Будучи бродячим, сам по себе этот мотив не может рассматриваться в качестве художественной аналогии в том случае, если отсутствуют какие-либо другие существенные «схожести» в структуре сравниваемых произведений. Но поскольку нами был обнаружен ряд сходных элементов в структуре ЖГЕ и романе А. Татия (помимо названных и давно известных ономастических и топонимических примет), постольку, думается, говорить об аналогиях уместно.

[34] Подробнее об этом см.: *Протопопова И. А.* Восприятие романов... С. 314—316.

[35] Подробнее об этом см.: Там же. С. 320—321.

[36] Помимо рассмотренной аналогии, в структуре романа А. Татия и ЖГЕ имеется немало и менее явных сближающих их признаков (например, значительное количество диалогов, повествование от первого лица, наличие сцен истязаний, сцены суда и некоторые другие). Их сравнительный анализ — задача последующих исследований.

[37] О наличии мотива христологичности, например, свидетельствует видение Иисуса Христа в образе апостола Фомы. В структурах ЖГЕ и ДИФ имеются и другие, кроме мотивов, но не столь значительные аналогии; сравнительный анализ ЖГЕ с ДИФ — также перспективная задача.

[38] О взаимовлиянии античных романов и гностических апокрифических «Деяний» см., например: *Протопопова И. А.* Восприятие романов... С. 55—56; 264—270; *Мещерская Е.* Апокрифические деяния... С. 45—47.

[39] Распространение различных еретических учений в сирийской христианской литературе в пору усвоения христианского вероучения было связано с ранним установлением христианства (в конце II в. н. э.) в сирийском эллинистическом государстве Осроэна, древнее название столицы которого Урхе было переименовано в Эдессу (См. об этом: *Мещерская Е.* Апокрифические деяния... С. 28.) «Источники свидетельствуют о том, насколько сильны были в Эдессе влияния различных гностических сект, какую широкую поддержку получило там арианство» (См. об этом: *Мещерская Е.* Апокрифические деяния... С. 7). По мнению Е. Мещерской, которое она убедительно обосновывает, по своему происхождению ДИФ относится к числу сирийских апокрифов. (См.: *Мещерская Е.* Апокрифические деяния... С. 27—43). В апокрифических «Деяниях апостола Фомы» отразилось сильное гностическое влияние. «Церковные историки жалуются на увлеченных еретическими доктринами мужей, которые "изгоняли своих жен", и жен, которые, "оставляя своих мужей, хотели жить целомудренно" — все "вопреки церковному преданию и обычаю"» (см.: *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. С. 24). О Соборе в г. Гангры см.: От берегов Босфора до берегов Евфрата / Пер., предисл. и коммент. С. С. Аверинцева. М., 1987. С. 31. См. выше приблизительную датировку ДИФ. Проблема датировки ЖГЕ, однако, является косвенной по

отношению к предмету настоящего исследования и требует в связи со своей необычайной сложностью отдельного рассмотрения, в частности, напрямую связанного с текстологическим анализом ЖГЕ. Некоторые примеры топонимических и ономастических «указаний» на некую связь ЖГЕ с Сирией содержатся в нашей статье: *Коробейникова Л. Н.* История текста «Жития Галактиона и Епистимии»: предварительные наблюдения // Приведенные факты — дополнительное свидетельство литературной связи (стадиальной) ЖГЕ и ДИФ.

[40] Несколько параллельных Лк. сцен в ЖФ, в которых реализуется мотив ученичества, свидетельствуют о генетической зависимости в раскрытии этой темы от Лк. В ЖФ во многом по-евангельски, хотя и со своей особенностью, раскрываются мотивы ученичества и преданности ап. Павлу и через него Иисусу Христу. Особенность состоит в том, что в образе св. Феклы сливаются различные составляющие темы ученичества в Лк. — мужской и женский ее тип. Подробнее об этом см.: *Коробейникова Л. Н.* «Житие Феклы» в составе Миней-Четий митрополита Макария: к вопросу об апостольской тематике памятника // Макариевские чтения: Соборы русской церкви: Материалы IX Рос. науч. конф., посвященной памяти Святителя Макария. Можайск, 2002. Вып. IX. С. 366—378.

[41] Цитата приводится по: Архангельское евангелие 1092 года: Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели. М., 1997.

[42] Имеются и другие, менее значительные параллели, но подробный в деталях сравнительный анализ ЖГЕ с Лк. и другими текстами Нового Завета — тема последующих исследований.

[43] Нельзя сказать, что полностью отсутствуют какие-либо переклички в изображении монастырской тематики в ЖГЕ с теми ранними житиями (согласно данным А. П. Рудакова, к ним относятся, например, «Житие Василия Великого», «Житие Григория Богослова», «Житие Иоанна Златоуста» и др.), в которых она занимает значительное место, но те, которые удалось обнаружить, представляются нам недостаточными для рассмотрения их в качестве аналогий, способствующих раскрытию процесса сюжетосложения, в частности формирования данного эпизода. См. *Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. СПб., 1997. С. 39. Кроме того, датировка указанных житий требует уточнения.

[44] Мартирий — это самостоятельный агиографический жанр, предвосхитивший появление жития-биос. «(...) Сначала рассказ о подвиге лица (...), потом биография совершенного человека, который ведет богоугодную жизнь по правилам, установленным церковью. В первом случае идеальный момент, во втором — идеальная жизнь». См. об этом подробнее: *Безобразов П. В.* Рассказы о мучениках // Византийское обозрение. Т. 2, ч. 1. Юрьев, 1917. С. 117. Мартирий как обозначение финальной сцены ЖГЕ кажется нам уместным: как известно, подобный эпизод имеет широкое рас-

пространение в качестве, как правило, финальной сцены в житии-биос святого мученика, например: «Житие Екатерины». Мы не ставили перед собой задачи подробно анализировать каждую деталь какой бы то ни было составной части сюжета ЖГЕ – это задача не одного исследования, в связи с этим анализ мартирия ЖГЕ (в нем, как и в других эпизодах, имеются и не вполне типологически ясные детали) также подчинен общей проблеме – раскрытию процесса сложения сюжета памятника.

[45] Содержание сна приводилось в связи со сравнительным анализом эпизодов искушения в ЖГЕ и романе А. Татия.

[46] Выше эта сцена уже упоминалась, именно в ней св. Епистимию сравнивают со св. Феклой.

[47] Подробнее об этом см.: *Л. Н. Коробейникова.* «Житие Галактиона и Епистимии»: женские образы. С. 44.

[48] Этот и некоторые другие мотивы мартирия играют значительную роль в идейно-художественной структуре ЖГЕ, их анализ – отдельная тема.

[49] Воплощение элементов евангельской поэтики в структуре ЖГЕ также будет рассмотрено специально, в этой работе данная проблема затрагивалась фрагментарно, в общих чертах, применительно к предмету исследования.

[50] О некоторых аспектах в реализации мотива спасения в ЖГЕ см.: *Коробейникова Л. Н.* «Житие Галактиона и Епистимии»: женские образы.

[51] Возможно, тогда оно воспринималось в первую очередь как деяние, а не житие.

[52] Так, нам удалось установить один из подобных приемов – условно говоря, «двукратного сокращения» заимствованного материала, о чем в ходе сравнительного анализа упоминалось специально.

[53] В настоящий момент данная проблема является предметом наших исследований.